

Андрей Остров

Виноград и скальпель

Андрей Остров

Виноград и скальпель

«Автор»

2026

Остров А. М.

Виноград и скальпель / А. М. Остров — «Автор», 2026

Художественно-документальное повествование об истории швабской семьи, которая приехала в Россию по приглашению Александра I, а осталась на два века.

© Остров А. М., 2026

© Автор, 2026

Андрей Остров

Виноград и скальпель

Масандра

Пролог

Поздно вечером в дверь позвонили. Коротко, требовательно. Масандра сразу поняла, по ком звонит колокольчик, и пошла собираться.

Раздайся такой звоночек лет 30 назад – обитатели профессорской квартиры перепугались бы насмерть. Мама, Елена Аркадьевна, хоть и не распространялась, но память о корнях, потерянных в польской шляхте, хранила как крымские веточки лаванды – на дальних полочках старинного платяного шкафа. Вон у Андрея Григорьевича Савиных отца забрали в 1937 и ничего не помогло. В 1958 справку о реабилитации выдали и все – не было человека. А Андрей Григорьевич, между прочим, был не последний человек в Томске. Светило хирургии над всем Советским Союзом.

Нынче, в середине 70-ых, поздних гостей бояться перестали. Во-первых, как шутили многочисленные друзья, сидя на кухне, дальше Сибири все равно не пошлют. Во-вторых, авторитет главы семейства, профессора Фетисова, был непререкаем. Александр Георгиевич, хоть и прослужил в 1919-ом несколько месяцев врачом в армии Колчака, в самые тошнотворные от страха 30-ые годы возглавил кафедру оториноларингологии Томского медицинского института, а потом и весь лечебный факультет. Всю войну не выходил из томских эвакогоспиталей, спасая раненых красноармейцев, за что и заслужил благодарность в трудовую книжку от наркома здравоохранения РСФСР. В 1948 году вступил в КПСС и пошло-поехало: партком, партбюро, горсовет. В 1969-ом устал, написал прошение об отставке по состоянию здоровья. Сидел в своем кабинете, разглядывая альбомы по искусству, писал, читал, вспоминал. Его старались не беспокоить.

Маргарита Александровна в клинике того самого всесоюзного светила Савиных и работала. Еще студенткой мединститута хотела пойти по стопам папы в «ухогорлоносы», но он сам же и отговорил, чтобы избежать обвинений в семейственности. Пошла работать хирургом в клиники к другу отца и божеству в белом халате Андрею Григорьевичу, царство небесное. Вышла замуж за папиного ученика, Юру Красильникова. Хорошая пара получилась. Она маленькая, яркая, как сибирский цветок огонек. Он большой, спокойный, сильный. Дочери-красавицы родились. Наташа в папу пошла, младшая, Людочка, в нее.

У Савиных Маргарита встала к операционному столу и вот уже какой десяток лет не отходила. По молодости подружки еще говорили ей:

– Риточка, хирург совсем не женская профессия!

То была правда. Женщины-хирурги в стране были редки. А хороших среди них – по пальцам пересчитать.

В 70-ые взошла звезда гинекологов, венерологов, наркологов. Нынешнее поколение советских людей словно предчувствовало, что будет жить при коммунизме, пустилось во все тяжкие.

Но Маргарита никогда не жалела, что стала хирургом. Импульсивная, эффектная, настоящая «рыжая бестия», она преображалась у операционного стола, словно кто-то сильный, расудочный, поселялся в ней. Движения делались мягкими, точными, а органы пациента, под светом хирургической лампы, как будто укрупнялись, становились выпуклыми, понятными, знакомыми до последней ниточки кровотока. Само операционное поле, представлявшееся ей вначале операции чужим, бесформенным, укрытым стерильными простынями пространством, внезапно оживало с первым разрезом, и Маргарита превращалась в слух, в цвет, в тонкое

подрагивание живой материи, само существование которой зависело в эти секунды только от нее. Маргарита никогда и никому бы не призналась, что именно эта власть над божьим созданием, возможность помочь самому Творцу, а заодно и его творению, и есть едва ли не главное удовлетворение от труда хирурга. Кайф, как говорили обожающие ее студенты.

Она отвечала студентам тем же. Вместе устраивали концерты, походы, дискуссии. До хрипоты спорили о будущем хирургии, теории боли, проблеме пересадки сердца. Почему это можно за рубежом, а у нас нельзя. Впрочем, политику старались не трогать, особенно при папе.

Каким-то женским иррациональным внутренним зрением Масандра (так за глаза все ее звали в клинике) видела будущее этих парней и девушек. Знала, терапевт и председатель парткома может получиться из любого лентяя, а настоящим хирургом надо даже не родиться – жизнь так должна сложиться. Вот из Володи Байдингера, ее студента, будет хирург. Худой, жилистый, пальцы длинные, сильные, упрямый, как ишак. Сколько их таких, приехавших поступать, высаживается каждый год из поезда Томск-Андижан? Каким пересыльным ветром занесло русских людей в Среднюю Азию? Володя, правда, немец. Не скрывает этого. Да и что скрывать с такой фамилией? Ее даже поменять трудно, не то что некоторым. Сколько по стране Майеров, которые стали Майоровыми, лишь бы учиться, лишь бы образование получить. А тут – Байдингер! Не Брондуковым же ему становиться! И хоть звали за глаза Володю Ботинком, менять фамилию он не собирался.

Немецкими корнями, чувствуете, даже гордится. Старательность, аккуратность, трудолюбие, бережливость – это у него точно с исторической родины. Как его в Сибирь занесло? Завтра у нее вообще-то была запланирована обычная аппендэктомия. Володя – ассистентом. Подумала, если сейчас вызывают на срочную операцию в клиники, неизвестно сколько провозится. Бывало и до утра. Может, отменить операцию или дать Володе сделать? Сколько он может стоять на крючках? Пора к столу.

Открыла дверь уже готовая идти. На лестничной клетке стоял вахтер клиник. Значит, все дежурные врачи и медсестры заняты. Дело серьезное. А вахтера бесполезно спрашивать, кто, сколько, какие показания, все равно не скажет. Только твердит: «Сказали, срочно за Маргаритой Александровной бегите!»

«Сколько раз говорила маме, чтобы не занимала сильно телефон, когда я дома, – подумала Масандра. – Не могут дозвониться до меня, вот и гоняют людей. Бежать, конечно, недалеко, один квартал, но это ж самые драгоценные минутки, секунды, от них часто жизнь зависит...»

...Масандра как в воду глядела. Провозились всю ночь с пьяными ножевými. Обычное дело в городе, где с одного края старый Университет, а с другого вечно молодой Лесопромышленный комбинат. Смычка города с деревней. Рано утром сестры отмывали операционную, а она села за истории. Но на плановую операцию пошла все равно. Только чашку кофе выпила: индийского, растворимого, пациент подарил. Володя Байдингер стоял рядом, надежный, сильный, только поглядывал чаще обычного из-под кустистых бровей. Знает же, что всесильная Масандра ночь не спала.

Как всегда, когда открылась операционная рана, случилось чудо. Бесследно ушел сон и ночная усталость, где-то бесконечно далеко собирались в школу Наташа и Людочка, шел на утренний обход муж Юра, покашливал в кабинете отец, вставала на бесконечную телефонную вахту мама, устраивающая судьбы всех и вся в маленьком городе. Исчезла и сама Масандра, умеющая ступить и молвить так, что замолкали скептики и сплетники. Перед ней было теплое чрево, жар которого ощущался даже сквозь перчатки, и в этом живом горячем, невероятно Как и Кем уложенном кишечнике сразу под слепой кишкой надо было найти крошечный источник боли, мобилизовать и отсечь его, чтобы сохранить жизнь.

...Когда добрались до предбрюшинной клетчатки, Володя завел крючки на всю толщу брюшной стенки, приготовился. Знал, при вскрытии брюшины всякое бывает. Но сегодня им

везло. Масандра осторожным движением тупфера отвела в сторону кишки и сальник, вывела в рану купол слепой кишки. Взглянула на Володю.

Почему-то вспомнила, как училась водить папину «Победу». Водитель отца сидел на пассажирском сиденье и жал на несуществующие педали сцепления и тормоза. Слегка отодвинулась, зашла за Байдингера с раскрытыми, как для объятий, стерильными руками и прижала животом, толкнула на свое место к операционному столу, выдохнула в маску:

– Ушей. Я подержу, – и взялась за крючки.

Стояла рядом. Смотрела за точными скупыми движениями Володи, одним взмахом ресниц ответила на удивленный взгляд операционной сестры: «Так надо, пора уже, мальчик нервничает, но все делает правильно, видишь же...»

Когда отмывались, сняли маски, увидела розовые щеки, темные подмышки операционной рубахи Володи, улыбнулась в себя, подумала в струю воды: «Пробило, значит. Как они говорят теперь, поймал кайф? Поймал-поймал. Будет из парня хирург».

Глава 1. Дунайский вальс

Как Йохан и Фридрих выжили – одному Господу известно.

По молодости лет еще повезло, что не пошли в Русланд. Женились уже, ребятишки пошли, как заходили по городам рекруты, обещая богатую добычу. Говорили, Наполеон победил всех, руссиш тоже победит. Кого силой брали с собой, кто сам пошел. Вернулось совсем немного людей. Совсем без добычи. Калек много. Те, кто побывал, рассказывали плохое. Летом было хорошо. Тепло и сытно. Лошади ели много сена. Забирали у русиш молоко, яйцо, мясо. Народ бедный. Много не забереешь. Герцог или князь богатые, но сбежали. Была большая битва, тысячи людей погибли. Многим оторвало руки-ноги пушечными ядрами. Руссиш отступили. Пришли в большой богатый штатт Москау. Стали брать добычу. Москау загорелся. Горел долго. Стояли у пожарища, ждали. Никто не пришел. Осенью стали возвращаться домой. Пошли по старой дороге. Молоко, яйцо, мясо – совсем нет. Сена нет. Жителей нет. Пошел снег, стало холодно. Очень холодно. Никогда так холодно не бывает в их родной Швабии. Закутались в женские платки, называются шаль. Сапоги обмотали кусками шкур. Мерзли все равно. Ели дохлых лошадей. Ели людей мертвых. Добычу бросили. Если кто отставал сильно, нападали партизанен. Рубили саблями головы, руки.

Пришли домой кто калекой, кто изуродованным. Оборванные, голодные. Сказали, в Русланд земли столько, что и завоевать нельзя, и вспахать невозможно. Думали, дома будет лучше, если работать и молиться. Но работают одни фрау и фройляйн. Мужчин мало осталось и те нарасхват. Фрау рожают много. Земли мало. Налоги большие.

Господь разгневался. Погода хорошая стала плохой. Столяры ели клей. Остальные собирали по виноградникам улиток, как бедные лягушатники, что живут за Шварцвальдом. Обдирали кору с деревьев, рвали траву, варили и ели. Думали это и есть конец света, после чего должен сойти Господь и будет тысяча лет счастья. Надо только трудиться и верить, чтобы не быть наказанным за лень. Лень – самый страшный грех. Так говорили в Братстве детей Бога. Но с севера, с низин, пришла новая вера: конца света не будет, и тысячи лет счастья не будет. Трудись хорошо здесь, а рай будет там, после смерти.

Швабы не поверили. Стали уезжать. Соседи уехали в Америку, за большой океан. Говорили, что там можно жить, где захочешь и верить, как хочешь. А Йохан с Фридрихом испугались. Океан, говорят, без конца и края. Вода и вода, только соленая, как во Фрайбурге и пить нельзя. Точно ли доплывешь? Хватит ли воды и картошки? Да и нет никого у них в Америке. А в Россию родственник Йозеф уехал 10 лет назад. Кой-кто уже вернулся оттуда, говорят, зажил ваш Йозеф нормально, разбил виноградники прямо возле Шварце моря. Швабы вместе поселились, называли местечко Фридрихталь, думают кирху строить. Чем не жизнь?

Есть заступники у швабов в Русланд и посильнее, чем Йозеф: принцесса София Доротея, мать того самого императора, который Наполеона победил. Получается, и он наполовину шваб, хоть и отступилась мать его от веры в Господа нашего, а все-таки в обиду не даст земляков. Земля на юге Русланд, говорят, черная, все растет и взять можно много. Чуть дальше проехать, стоят большие горы, называются Кавказ. Туда тоже русшиш зовут, обещают земли сколько хочешь, защиту и большие подъемные. В Библии пишут, Ной на ковчеге плавал, к горе Арарат приставал, а гора та как раз на Кавказе. Можно поселиться в горах всем вместе, переждать конец света, а там и тысяча лет счастья наступит.

Стали собираться в путь. Подали заявление в магистрат, продали имущество, заплатили долги, налоги. На баржи садились летом в Ульме, там Дунай уже из-под земли появляется, становится широкий, мутный, желтый. Баржи отправляются одна за другой через три дня. Вместе с ними на барже человек сто. Все соседи, все знакомые, дети бегают, кричат, им все в радость. На берегу – родня. Приехали в Ульм проводить. Женщины плачут в голос. Мужчины не плачут, только ругаются. Понимают, что навсегда. Что вряд ли увидятся еще. А письма писать, швабы грамоте не сильно обучены.

Одна беда – тесно на судне. Запах. Больные и здоровые, старики и дети – все вместе. Плыли долго. Мачта скрипит ночами, волна дунайская в борт бьет. Ели сначала, кто что из дома взял. Мало взяли. Стали рыбу ловить, у кого деньги были – покупать. Рыба болотом пахнет, но есть можно. Вода плохая, но пить можно. Желудки только с непривычки ослабели.

Долину проплывали, называют Вахау. По берегам виноградники, как на родной земле. Говорят на берегу не по-нашему, но понять можно. Швабы всегда поймут баварца или пруссака, вот они швабов – не всегда.

В Вене испугались, выходить не стали. Город большой, шумный, глаза поднять страшно. Сидели на барже, молились.

Дунай в некоторых местах становился совсем широким, берега пологие, не увидишь сразу, подумали, что это оно и есть Шварце море, а сказали, что нет, далеко еще. Тысяча миль или даже больше. Начали голодать и болеть. Лечились по местному рецепту, водкой с солью. Не всем помогало, но некоторые втянулись. В трюмах теснота, духота. Хоронили умерших на низеньких берегах, опускали во влажную землю, ставили сверху, что находили: камень или наспех сплоченный крест.

Буда и Пешт – красивые города, стоят друг напротив друга, между ними мостов красивых столько, что со счета сбились. Живут мадьяры. Говорят совсем непонятно. Дальше Буды и Пешта вообще языки странные. Свистящие, шипящие. Говорили, в этих местах надо разбойников опасаться. Попрятали, у кого что осталось в укромные места, фрау платья крепче застегнули, хоть и жарко кругом, лето в разгаре. Молчали, думали плохо про мужей, куда везут, зачем? Заговорили, хотим вернуться. Некоторые сходили на берег, оставались в чужой земле. Обратной дороги все равно не было.

Через неделю Дунай обступили скалы. Высокие, крутые. Капитан и матросы забегали. Эйсен Тор кричат. Дунай узкий стал, дно видно, камни острые. Скалы совсем рядом. Молились Господу, чтобы не дал страху овладеть, позаботился отечески о близких, о жене и детях. Так, молясь, и миновали Железные ворота, думали – скоро конец мучениям.

Но Господу видней.

Измаил русские брали столько раз, что сами запутались. Вокруг крепости куда лопатой ни ткни – тела человеческие, наспех присыпанные. Всех приплывших с верховья Дуная швабов осматривали, читали непонятное, Сенатский указ: "Буде (от чего Боже сохрани) в городе окажутся на людях прилипчивые болезни яко то: горячки с пятнами, кровавые поносы и другие тому подобные болезни, подвергать больных медицинскому освидетельствованию, отделять больных от здоровых, о больных уведомлять не мешкая местническое правление и гене-

рал-губернатора... с ясным докторским или лекарским описанием как болезни, так и где, кому и отчего она приключилась».

Будущие колонисты, кто еще мог, из трюмов барж вылазили бледные, опухшие, с пятнами, с поносами, с перегаром и дизентерией. В город переселенцев не пустили, высадили напротив на большом острове Сулин. Живые швабы вытаскивали из трюмов и хоронили мертвых поверх других мертвых, русских: 20.000 воинов на этом острове полегло. Кончались продукты и водка. Самые смелые переправлялись за ними в Измаил тайно. В день прихоранивали по 10-15 человек. На острове, где люди ходили по едва закопанным трупам, вспыхнула эпидемия тифа. Тут уже забеспокоились городские власти. Приказали опять грузиться на баржи и плыть дальше по морю в Одессу. Обессиленные новой погрузкой швабы проснулись ночью от зарева: за кормой полыхал огромный Сулин.

Власти Измаила решили поджечь тифозный остров.

Одесса, веселый город, была рада всем, только не тифозным швабам. Лагерь на время карантина разрешили разбить поодаль. Одесские офицеры собрали для терпящих бедствие колонистов 925 рублей. Сумма большая, но она уже мало что могла изменить. Из 5 тысяч швабов, покинувших Ульм несколько месяцев назад, в живых осталось меньше половины. Многие семьи погибли полностью. Дети остались без родителей, родители без детей. На зиму оставшихся в живых швабов приютили немецкие колонисты, приехавшие в Россию за 10 лет до этого и поселившиеся недалеко от порто-франко.

О бедственном положении земляков своей матери и их упорном желании ехать дальше на Кавказ узнал император Александр I. Он поручил командующему кавказским корпусом генерал-лейтенанту Александру Ермолову обеспечить переселенцев защитой и всем необходимым. Ермолов, которым кавказские женщины впоследствии пугали детей, к немцам вообще относился своеобразно («Плохо..., немцы, кругом одни немцы»), но приказа Государя слушаться не мог. В мае 1818 года, спустя год после отъезда из родной Швабии, всего 500 семей двинулись наконец из Одессы на Кавказ. Ехали берегом красивого Шварце моря. Обозы растянулись. Приходилось часто останавливаться. К исходу лета швабы въехали в предгорья Кавказа. Военно-грузинская дорога уходила все круче вверх. У селения Казбеги пришлось заночевать из-за внезапно опустившейся темноты. Утром они увидели свою землю обетованную. В лучах утреннего солнца перед Йоханом и Фридрихом встал Арарат. Зеленые долины бежали к нему, становясь, чем выше, бурыми, серыми, ослепительно-белыми. Арарат был выше всего, что Йохан и Фридрих видели в жизни. Намного выше.

Их дорога была близка к концу. Их фамилия была Байдингер.

Гора называлась Казбек.

Глава 2. Кавказ предо мною

Год и три месяца Йохан и Фридрих были в дороге. Денег не было уже ни у кого. Вещи изнашивались. Привезенные с собой фургоны стали часто ломаться.

В сентябре доехали до города Тифлиса. Станный город. Кирхи нет. Улочки узкие, немощенные. Вдоль них стоят дома. Называются – сакли. Воды в саклях нет. Нужные места на улице. Строят много. Говорят, была большая война. Турки воевали с русскими. Русские победили. Теперь Тифлис будет русский. Строить будут много. Говорили, оставайтесь здесь. Говорили, нужны ваши руки: черепицу делать, молоко доить, хлеб печь. Некоторые послушались, остались.

А Йохан и Фридрих нет. Сказали, поедem дальше, ближе к горе Арарат, там наша Палестина, туда придет Господь наш и начнется тысяча лет счастья. Поехало много. По дороге расселились по несколько десятков семей в разных местах: Еленендорф, Анненфельд, Мариенфельд, Элизабетталь...

Кругом были горы, в долинах текли быстрые речушки: Шамхорчай, Гянджинка. Вода в них была холодная, как здешние ночи. Сумерки загустевали рано, в них начинали выть собаки, но русшиш сказали, что это шакалы. Как волки, только хуже.

Еще хуже шакалов были горцы. Русшиш называли их татарами. Черные, шапки мохнатые, кинжалы длинные, ходят в коротких халатах. Рассказывали, что нападают внезапно, ночью, отбирают все, но больше всего отбирают женщин. За них даже выкуп не просят, а если уведут в плен мужчину – будут просить денег. Поэтому ходили осторожно, смотрели на казаков, которые квартировали рядом, с уважением и надеждой.

В первую зиму решили не строить дома: не было материалов, сил, а времени до холодов почти не оставалось. Разметили долину под будущие улицы, поставили временные укрытия из жердей, казаки шипели – шалаши. Стали рыть будущие подвалы больших домов, к зиме перекрыли их жердями, забросали землей. Можно зимовать. Казаки сказали – землянка. Шафе, шафе, хасле бае – говорили старые швабы. Работать, работать, чтобы домик построить. Смотрите, сколько земли! 35 десятин на семью дал русский император. Больше двух тысяч рублей на обзаведение выдали каждому бедному швабу! Русшиш очень хотят, чтобы швабы здесь остались и жили.

Поздно осенью самые нетерпеливые стали доставать из укромных мест косточки виноградных лоз, которые хранили, пока ехали, как зеницу ока. Женщины всплакнули, швабы молчали – только переживали, взойдет ли на чужой земле лоза-кормилица. Больше года ехали косточки. Кто прикопал во влажную землю, кто обернул мокрой тряпичей – через день вышли всеми семействами сажать в незнакомую землю, засыпать древесной корой – молились Господу, чтобы дал косточкам силы взойти.

Зима была похожа на швабскую. Мокрый противный ветер, но больших холодов не было. Снега тоже. Так и перезимовали.

Весной ходили улыбались как дети, даже швабы мужчины! Господь услышал их. Кое-где из зарытых косточек рядами стали появляться маленькие листочки. Хорошо, но мало. Стали пробовать сажать местную лозу. Виноград заботу любит, взойдет и русский виноград у немцев. Вззошел.

Но едва потеплело, пришла другая беда. Испортилась вода, стало душно, жарко. С болот стали подниматься комары. Люди стали слабеть, дрожать, не держать в себе пищу. Умирали многие. Русшиш называли это малярией, говорили всему виной воздух. Спасаясь от малярии, поднимались в горы, где был ветер и свежо. Новое место для жительства выбирали еще не один год, переносили лозу с собой, снова высаживали, ждали.

Когда выбрали хорошее место, стали строить дома. Настоящие, большие, с подвалами для вина, чердаками, террасами. Не мельчили – места много, семьи большие, надо думать о детях. Некоторые, правда, кричали, что конец света совсем скоро – в 1836 году. Перестать работать не могли, но налоги платить зачем, если скоро конец света? Детей в школу не посылали, сидели дома: работали и молились. Но 1836-ой миновал, как и все последующие. Тогда те же, кто предупреждал о конце света, сказали, что Бог требует переселения в Иерусалим. Делать нечего, стали собираться в дорогу, но ее перегородили казаки. Не пускали. Ясно, столько тысяч рублей потратил русский император на немцев, чтобы они жили, кто ж их отпустит теперь. Говорили с русским начальством долго, и решили, послать прежде, чем уехать навсегда, гонцов в Иерусалим. Пусть посмотрят, какая там жизнь, растет ли виноград и много ли места. Гонцы вернулись через полгода, и сказали, что им не понравилось. Жарко, земля каменистая, растет все плохо, воды нет, горы маленькие, деревьев нет и народ непонятный.

Решили остаться. Через 5 лет построили первую школу. Через 30 лет стали строить кирху. Через 35 отдали все долги российскому императору. Через 40 лет в колонии Елизабетталь родился Матеус Байдингер.

Глава 3. Потерянный рай

Рано встает большой Матеус, хоть и суббота. Закричал в колыбельке маленький Матеус – первенец. Софи принялась кормить, где уж тут уснешь, такие звуки: чмокает, старается, как тот насос на водопроводной станции в Анненфельде. Отец и мать тоже поднялись на своей половине. Пойдут сегодня обрабатывать картофель. Звали и Матеуса, но он сказал, что некогда, будет собираться на новое место, готовить фургон, собирать вещи. Пора, пора заводить Матеусу старшему свой дом. Сколько можно жить с родителями? За 30 уже. В Элизабеттале места нет, земли мало, родственники зовут в Анненфельд. Это далеко от Тифлиса, но зато земли вдоволь, есть место, где дом построить. Да и в самом Анненфельде совсем другая жизнь: есть водопровод и электричество.

Мельницы, кирпичный заводик, кузня, каретные мастерские, столярные, слесарные, портняжные и обувные мастерские есть в любой немецкой колонии, но водопровод пока только в Анненфельде. Хорошо живут там, богато, просторно, собираются строить норменно-водочный завод. Хорошее дело. Русские пьют много и крепкое. Пиво и вино не жалуют. Можно хорошо торговать. Теперь они, швабы, тоже такие же подданные русского царя, как и все остальные, хотя и говорят по-своему, по-немецки. Маленького Матеуса тоже будут заставлять учить этот непонятный русский, да и на военную службу придется идти.

Сам Матеус 7 лет отслужил. Хорошо отслужил, отпускать не хотели. Говорили, станешь фельдфебелем или даже унтер-офицером. Но Матеус молчал, уперся. Хотел домой. Пришел обратно в Элизабетталь, жениться хотел, дом свой хотел строить, а у отца земли совсем мало. Нет, уедет Матеус в Анненфельд. Ничего, бабушка с дедушкой в гости приезжать будут, зато сам себе хозяин будет. Софи, наконец, хозяйкой станет, будут вместе виноград растить, вино делать, а там и маленький Матеус помощником станет....

Маленькому Матеусу, рожденному в 1903 году, между тем, была суждена совсем другая, полная страшных невзгод и горьких обид жизнь.

В 1904 году молодых немцев-резервистов стали забирать на войну с Японией. Письма и слухи доходили нехорошие: кормят и одевают на войне плохо, погибших хоронят молча, без псалмов, просто зарывают в землю, и часто не одних, а в общей могиле. Много людей попало в плен, в японские лагеря, где умирали от ран и лишений.

Но хуже всего пришлось колонистам в годы Первой мировой войны, когда Россия воевала против Германии. В обществе заговорили о «внутреннем враге», «мирном завоевании» немцами России. Закрыли немецкую газету «Kaukasische Post», переименовали села на русский манер: Анненфельд превратился в Аннино.

Для ликвидации землевладения «враждебными народами» Император Николай II повелел «отчуждать возмездно в пользу казны» землю у немецких колонистов через Крестьянский поземельный банк. Говорили, что этой землей будут награждать русских солдат и офицеров, хорошо воевавших с Германией. В немецкие колонии и села заездили русские чиновники и служащие банка. Ходили, считали, оценивали, записывали в бумажки. Швабы насторожились. Однажды даже спровадили очередных визитеров силой:

–Много вас, чертей, тут теперь ездят!

Но власть есть власть. Оценщики из банка стали приезжать с полицейскими приставами и понятыми, обычно из соседнего аула. Те разглядывали диковинные ветряные мельницы, веялки, паровые и конные молотилки. Сколько стоили машины, которых они никогда в глаза не видели, соседи не знали. Оценщик занижал цену раз в пять, как на землю, которая до войны стоила 500 рублей десятина. Банк предлагал 100. Являлся уполномоченный банка и предлагал подписать «акт перехода имения». Осторожные швабы отказывались, но на всякий случай стали прекращать пахать и сеять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.